

Табу на трансцендентность и его политические последствия

Анатолий Рясков
(р. 1978) – независимый
исследователь.

Предположение Мишеля Фуко о том, что XX век когда-нибудь «будет известен как век Делёза»¹, оказалось неверным. Точнее, Фуко ошибся с датировкой: несмотря на смерть Жюль Делёза в конце XX столетия, подлинное значение его философской деятельности раскрывается в первой половине XXI. Причем дело не столько во влиянии на интеллектуальные течения², сколько в том, что именно тексты Делёза концептуализировали появление реальности, неотъемлемыми составляющими которой выступают интернет, потоки *big data* и нейросети. Однако куда менее очевидной проблемой оказывается следующая: в какой степени манифест множеств и различий, задуманный как сопротивление любым иерархиям, содержал потенциал для поворота в сторону нео-реакции?

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЗАПРЕДЕЛЬНОМУ

Книгу «Различие и повторение», написанную Делёзом на основе докторской диссертации, с равным успехом можно назвать завершающей ранний этап его философской деятельности или, наоборот, открывающей тот стиль, с которым ассоциируется сегодня его мысль. Здесь еще нет открытой атаки на трансцендентность, объявленной в «Анти-Эдипе» и других книгах, написанных в соавторстве с Феликсом Гваттари, но тем не менее именно в «Различии и повторении» разворачивается проблема, которая обусловит последующие шаги.

В рамках полемики с Гегелем здесь выстраивается система, в которой негативность лишена привилегированного статуса. Дело не только в том, что столкновения сборок, интенсивностей и симулякров не укладываются в бинарную оппозицию тезиса и антитезиса – не принимается сама логика отрицания:

1 Фуко М. *Theatrum philosophicum* // Делёз Ж. *Логика смысла*; Фуко М. *Theatrum philosophicum*. М.: Паритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. С. 441.

2 Характерным примером этой популярности и востребованности является выпускаемая издательством Эдинбургского университета книжная серия «Плато», посвященная исключительно делёзианским студиям и насчитывающая десятки томов: https://edinburghuniversitypress.com/series-plateaus-new-directions-in-deleuze-studies?product_list_limit=100.

эти переплетения характеризуются избытком, а не нехваткой – сложением, а не вычитанием. Вполне закономерно, что одним из главных объектов критики выступает «долгая история искажения диалектики, завершенная Гегелем; она состоит в подмене игры различия и дифференциальной работой негативно-го»³. В «Различии и повторении» отрицание предстает не как самостоятельная сила, а как «иллюзия», «тень задачи», «по преимуществу лжезадача»⁴: это вовсе не след небытия, а нереализованные бытийные ресурсы. Иными словами, вместо того, чтобы противопоставлять миру нечто, находящееся за его пределами, нужно, наконец, лишить проблему ореола неприсутности и рассмотреть ее как внутрисистемную (а в качестве главных союзников избираются Спиноза, Лейбниц и Ницше). Примечательно, что уже на этом этапе полемика с линейной моделью сменяющих друг друга тезисов и антитезисов получила политическое измерение: «Противоречие скорее не оружие пролетариата, но способ, которым буржуазия защищает и сохраняет себя; тень, за которой прячутся ее претензии на решение задач»⁵.

По существу, в «Анти-Эдипе» догматика психоанализа иллюстрирует все те же попытки вынести основополагающую проблему за пределы существующей системы и придать ей теологический ореол. Этому конструкту, первоначальным виновником которого провозглашается Платон, Делёз противопоставляет так называемый план имманентности – концепт, который он будет разрабатывать до конца жизни. И, несмотря на обилие изощренных терминов, речь здесь с самого начала не шла лишь о теоретических абстракциях.

Истоки стеснения имманентности коренятся в теологии и религиозной власти. Катастрофа реального заключается в том, что «имманентное единство земли как неподвижного двигателя уступает место трансцендентному единству совсем иной природы, единству Государства; полное тело – это уже не тело земли, а тело Деспота»⁶. Поэтому на смену стержневому корню должна прийти ризома, горожанина должен сменить кочевник, застывшую статую – тело без органов, а строгость перекрестка свержается непредсказуемостью инфлексии. Любые унарные и бинарные философские модели объявляются тяготеющими к реакционной тенденции, а революционность, напротив, характеризуется многозначностью системы и готовностью к расширению цепочки аргументов. Неудивительно, что Фуко в своем предисловии к «Анти-Эдипу» сконцентриро-

3 Делёз Ж. *Различие и повторение*. СПб.: Петрополис, 1998. С. 323.

4 Там же. С. 248, 256.

5 Там же. С. 324.

6 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 230.

вался именно на политических смыслах: «Это искусство жизни, противоположное всем формам фашизма – будь они уже состоявшимися или только нарождающимися»⁷.

Итак, именно ставка на имманентность должна определить леворадикальное противостояние всем иерархиям: платонизму, божественной трансцендентности, стволу-генералу, любым проявлениям теологии и авторитаризма. Но трансцендентность необходимо не просто изгнать, нужно сжечь все мосты, лишить ее всякой возможности возврата, восстановив тем самым исконную чистоту имманентного. От этой цели Делёз уже никогда не отступал. Символично, что последнюю прижизненную публикацию он озаглавил «Имманентность. Некая жизнь»⁸.

То, что для Делёза являлось проблематизацией понятия границы, у его последователей зачастую превращается в декларацию стирания всех рубежей. Разбирательство с запредельным оборачивается борьбой с квазитрансцендентным, которая рискует превратиться в погоню за собственной тенью.

ЗАЧАТИЕ УРОДА

Сегодня следы табу на трансцендентность, представляющие собой прямое или опосредованное влияние Делёза и Гваттари, можно обнаружить в самых разных сферах: у радикальных феминисток, у так называемых постгуманистов, даже у звуковых исследователей. То, что для Делёза являлось проблематизацией понятия границы, у его последователей зачастую превращается в декларацию стирания всех рубежей. Разбирательство с запредельным оборачивается борьбой с квазитрансцендентным, которая рискует превратиться в погоню за собственной тенью. В этом смысле нагромождающиеся друг на друга номадологические исследования скорее являются не свидетельством триумфа делёзианства, а приметами кризиса соответствующей стратегии. Здесь впору вспомнить высказывание кумира:

«Я воображал, что подкрадываюсь к какому-то автору сзади и что мы зачинаем с ним ребенка, который был бы похож на него и вместе с тем родился бы монстром. Очень важно, чтобы это был именно

7 Фуко М. Предисловие к американскому изданию «Анти-Эдипа» // Делёз Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип...* С. 9.

8 Делёз Ж. *Имманентность. Некая жизнь* // EINAudi: Философия. Религия. Культура. 2021. Т. 10. № 1(19). С. 229–235.

его ребенок, ибо автор реально должен был сказать все то, о чем я его заставлял говорить. Но было также необходимо, чтобы ребенок был монстром, потому что нужно было пройти все виды смещений, скольжений, изломов, тайных выделений, которые доставляли мне огромное удовольствие»⁹.

Есть основания считать, что настал тот момент, когда можно говорить об использовании этой креативной методики в отношении самого Делёза. Разве что – в сугубо фарсовом виде. И, пожалуй, самой примечательной иллюстрацией здесь оказываются тексты Ника Ланда. Автор, которым тридцать лет назад зачитывались леваки, в 2020-х внезапно выступил в роли идеолога неореакционизма. Как же это могло произойти? Заглянув в работы Ланда, написанные в середине 1990-х, сложно не наткнуться на слово «имманентность». Это без всяких преувеличений центральное понятие:

«Может показаться, что чтение Делёза и Гваттари требует больших усилий, хотя на самом деле они требуют очень малого. Неустанно мыслить имманентность – этого хватит, чтобы следовать за ними там, где оно того стоит (а капитал учит нас этому). В каждой точке блокировки необходимо забраковать некоторое убеждение, растворить отложения трансцендентности»¹⁰.

Отдельного внимания заслуживает еще более бесцеремонное, чем у шизоаналитиков, присвоение образа Антонена Арто «тело без органов», интерпретируемого как имманентная субстанция: «материя тела без органов и материя Спинозы суть одно»¹¹. Надо вспомнить, что если в «Капитализме и шизофрении» тело без органов стало непосредственным участником политического действия, то для самого Арто новая телесность сохраняла утилитарный потенциал и пафос субъективности. Существеннее, однако, что представление Арто в качестве поборника имманентности является грубым искажением его философии, в которой «искусство не подражает жизни, а жизнь подражает трансцендентному принципу, с которым нас связывает искусство»¹².

Далее. Уже в ранних работах Ланда можно обнаружить панегирики в отношении машинного обучения, методологическую основу которых составляют знакомые концепты:

«В делёзианской критике синтеза считаются не просто имманентными в своем функционировании, но также имманентно конституированными, то есть самовоспроизводящимися»¹³.

9 Он же. *Переговоры*. СПб.: Наука, 2004. С. 17.

10 Ланд Н. *Машинное желание* // Он же. *Сочинения: В 6 т.* Пермь: Гиле Пресс, 2018. Т. 2 («Киберготика»). С. 60.

11 Он же. *Вытворяя это со смертью: заметки о Танатосе и желающем производстве* // Там же. С. 15.

12 ARTAUD A. *Dossier du théâtre et son double* // IDEM. *Œuvres complètes*. Paris: Gallimard, 1964. Т. IV. Р. 310.

13 Ланд Н. *Машинное желание*. С. 59.

Кстати, здесь можно кратко пояснить, почему Ланд не хайдеггерианец. Вопреки тому, что философской задачей Хайдеггера (а в этом стремлении он совпадает с Делёзом) стал поиск радикальной альтернативы теологическим аргументам, Ланда беспокоит приток «неогуманистических тем, идущих от Хайдеггера через Кьеркегора с Гуссерлем и ожесточающих квазитеологический компромисс»¹⁴. Едва ли будет ошибкой предположить, что к неогуманизму в этой системе координат оказываются отнесены и хайдеггеровские взгляды на технику. Один из поздних докладов Хайдеггера сегодня действительно может быть прочитан как полемика с темным просвещением:

«Не надо дара пророчества, чтобы понять, что с недавних пор устанавливающиеся науки определяются и направляются новой фундаментальной наукой, называемой кибернетикой. [...] Теперь “теория” значит: суппозиция категорий, от которых требуется только кибернетическая функция и которым отказано во всяком онтологическом смысле»¹⁵.

Только ленивый не занимался выявлением в работах Хайдеггера следов правой идеологии. При этом его философия никоим образом не соотносится с технооптимизмом Ланда, по злой иронии рифмующимся с национал-социалистическим воодушевлением в отношении машин. В качестве методологического фундамента им избирается антифашист Делёз, ведь дело вовсе не в политических убеждениях философов, а в выстраиваемой ими логике. Впрочем, именно здесь появляются и ресурсы для выхолащивания из «Капитализма и шизофрении» левого радикализма: «то, что Делёз и Гваттари отдают кибернетику на милость ее модернистскому определению, видно в “Анти-Эдипе” из их замечаний о капитале»¹⁶. Но в какой же момент гимн имманентности приводит к темному просвещению? Ответить на этот вопрос неожиданным образом помогают тексты Жан-Люка Нанси на тему сообщества.

ИММАНЕНТНОСТЬ. НЕКАЯ СМЕРТЬ

Несмотря на то, что Нанси написал весьма комплиментарную статью о концепте складки¹⁷, сборник «Непроизводимое общество» может быть прочитан как полемика с Делёзом, и тем интереснее – если она не намеренная. Дело в том, что одной из центральных проблем здесь оказывается связка между

¹⁴ Он же. *Вытворяя это со смертью...* С. 9.

¹⁵ Хайдеггер М. *Конец философии и задача мышления* // Тамыр. 2006. № 17 (<https://tamyr.org/?p=1322>).

¹⁶ Ланд Н. *Сцепления* // Он же. *Сочинения...* Т. 2. С. 37.

¹⁷ Нанси Ж.-Л. *Складка мысли Делёза* // *Vita cogitans*. 2007. № 5. С. 149–156.

ставкой на имманентность и правым политическим спектром. Логика этой сцепки у Нанси убедительно разъясняется через воссоединение двух значений слова «миф», которые обычно принято отделять друг от друга.

Как правило, словари требуют различать миф как древний способ бытия в мире, идеальное совпадение нарратива и истины, и вымысел, идеологию – то, что воплощается в словосочетании «политический миф». Однако дело не в том, что второе значение наследует первому, превращая его в метафору – оба они оказываются прочно связаны на другом уровне: «миф репрезентирует имманентность множественных сущих своему собственному уникальному вымыслу, собирающему и создающему их общий образ в слове и в виде этого слова»¹⁸. В свою очередь ставка на имманентность, предполагающая интеграцию посюсторонним всего внеположного, ставит вопрос о месте смерти в пространстве, формирующемся по этим законам. Делёз и Гваттари писали на эту тему:

«Опыт смерти – это для бессознательного самое обычное дело: как раз потому, что он осуществляется в жизни и ради жизни, в любом переходе или любом становлении, в любой интенсивности как переходе и становлении. [...] Инстинкт смерти – это чистое молчание, чистая трансценденция, не данная и не обнаружимая в опыте. Этот пункт также весьма примечателен – именно потому, что смерть, по Фрейду, не имеет ни образца, ни опыта, он сделал из нее трансцендентный принцип. [...] Мы же говорим следующее: не существует инстинкта смерти потому, что существует образец и опыт смерти в бессознательном. Смерть в этом случае является одной деталью желających машин, и она должна оцениваться и описываться только в связи с функционированием машины и с системой энергетических преобразований, а не как абстрактный принцип»¹⁹.

Если в ранних работах Делёза отношение к инстинкту смерти в психоанализе еще оставалось двусмысленным, то теперь в его адрес раздаются громогласные инвективы. Однако перед нами не что иное, как продолжение разбирательства с гегелевской негативностью: из опасной внешней инстанции радикальное отрицание должно превратиться в элемент взаимодействия атомов. Ничто провозглашается разновидностью бытия.

Довольно любопытным в этой связи оказывается эссе Делёза, посвященное Беккету. В нем, в частности, предлагается интерпретация прозаической миниатюры «Bing», безличное повествование которой перемежают междометия *bing* («бах») и *hop* («оп»). Эти повторы создают характерное для позднего Беккета настроение падающих капель, отсчитывающих приближе-

АНАТОЛИЙ РЯСОВ

ТАБУ НА ТРАНСЦЕНДЕНТ-
НОСТЬ И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ

¹⁸ Он же. *Непроизводимое сообщество*. М.: Водолей, 2011. С. 111.

¹⁹ Делёз Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип...* С. 519, 523.

ние к небытию. В прочтении Делёза мотив негации полностью исчезает, напротив: «к Бингам, которые создают образы, добавляются теперь Хопы, которые начинают странные движения в самых разных направлениях»²⁰. Однако правомерность этой интерпретации нарушает авторский перевод «Bing» на английский: «оп» в нем вообще отсутствует; во всех случаях его дублирует «бах» (который на английском записывается как *ping*). В соответствии с логикой вычитания Беккет решил оставить в новой версии лишь одно междометие, что усилило эффект близости к ничто: «ping silence ping over»²¹. Делёз же навязывает этому тексту логику сложения, представляя его не как диалог с приближающейся смертью, а как имманентное бурление жизни. Здесь можно вспомнить и о биологических иллюстрациях, нередко задействовавшихся Делёзом в качестве дополнительных аргументов в свою пользу: «Когда организм умирает, он все же не исчезает, но инволюирует и, стремительно перескакивая через этапы, свертывается во вновь уснувшем зародыше»²².

Для Ланда необходимость интеграции смерти в план имманентности также является принципиальной, и именно здесь можно обнаружить основания для последующего правого поворота:

«Делёз начисто отделяет себя от социалистического гуманизма подобного рода, поскольку в программе шизоанализа смерть представляется безличным субъектом критики, а вовсе не проклятой ценностью на службе у порицания»²³.

И все же пока еще не очевидно, почему на ранние работы Ланда следует взглянуть как на уверенные шаги к новой фазе социал-дарвинизма – гиперрасизму, оду которому он публикует через четверть века²⁴. Вернемся за ответом к эссе Нанси: если смерть наравне с любыми другими проявлениями трансцендентности должна лишиться своего привилегированного статуса, то весьма подходящей моделью для выстраиваемого пространства выступает концентрационный лагерь.

«Логика нацистской Германии была не только логикой уничтожения других, людей второго сорта, внеположенных по отношению к общности крови и земли, но, кроме того, логикой жертвоприношения всех, не отвечающих в “арийском” сообществе критериям чистой имманентности»²⁵.

20 Делёз Ж. *Опустошенный* // Беккет С. *В ожидании Годо*. М.: ГИТИС, 1998. С. 262.

21 БЕСКЕТТ S. *The Complete Short Prose, 1929–1989*. New York: Grove Press, 1996. P. 196.

22 Делёз Ж. *Складка. Лейбниц и барокко*. М.: Логос, 1997. С. 17.

23 Ланд Н. *Выворачивая это со смертью...* С. 13.

24 LAND N. *Hyper-racism* (<https://affirmativeright.blogspot.com/2014/10/hyper-racism.html>).

25 Нанси Ж.-Л. *Непроизводимое сообщество*. С. 40.

Более того, эта модель вполне способна децентрализовать саму себя, потому что – как в истории про мальчика в полосатой пижаме – газовая камера готова распахивать двери для каждого: это и есть подлинный итог интеграции смерти в политическую систему. Нанси даже предлагает термин «имманентизм» как альтернативу тоталитаризму, потому что «произведение смерти осуществлялось всегда в доминировании, угнетении, истреблении и эксплуатации, к чему, в конце концов, и привели все социополитические системы, в которых трансцендентность была представлена (инсценирована) и реализована в имманентном»²⁶.

АНАТОЛИЙ РЯСОВ

ТАБУ НА ТРАНСЦЕНДЕНТ-
НОСТЬ И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ

МАШИНА ВОЙНЫ

На этом этапе призыв Делёза и Гваттари «не отменить смерть, а редуцировать ее или превратить в саму вариацию»²⁷ начинает приобретать зловещие коннотации. Не меньшие сомнения вызывает и, например, их теория рассеивания войны, противопоставляющая кочевые завоевания государственному террору. В XXI веке номадологическая машина войны ассоциируется отнюдь не с революциями, а с промышленным производством дронов-бомбардировщиков, частными военными компаниями, маскировкой боевых действий как повстанческих восстаний или специальных операций. Иными словами, война оказывается неумовимо интегрирована в реальность, отвечая за производство смерти. Ставка на кочевой способ ведения боевых действий, якобы способный не превращать войну в свою непосредственную цель, сегодня выглядит малоубедительной, зато начинает раскрываться необозримый потенциал для взаимодействия свободного рынка, реакционизма и номадизма.

Едва ли найдется повод сомневаться в том, что сам Делёз не согласился бы с неореакционным прочтением его книг. Более того, многие пассажи «Тысячи плато» вполне можно считать предостережениями от подобного рода толкований. Однако речь идет о другом: предложенная логика не позволяет называть эту идейную метаморфозу абсолютно противоестественной. Увы, план имманентности изначально содержал внутри себя многочисленные лазейки для присвоения правыми.

В этом смысле нет ничего удивительного, что Нанси предлагает двигаться в противоположном направлении: сообщество для него – «это “трансцендентность”, лишенная “священного” значения, означающая не что иное, как сопротивление имма-

²⁶ Там же. С. 48.

²⁷ ДЕЛЁЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф. *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 182.

нентности»²⁸. Образ сообщества может возникнуть только за пределами «теолого-политического» пространства²⁹, однако вера в незыблемость связки между трансцендентностью и теологией отнюдь не застраховывает имманентность от вторжения мифа³⁰. Злободневность этих выводов не просто сохраняется до сих пор – в эпоху гибридных войн она стала даже более актуальной.

Одна из насущных политических проблем заключается вовсе не в фанатичных призывах вернуться к архаичным («вертикальным») формам правления, а в том, что так называемые традиционные ценности оправдываются логикой инновации. Такие идеологемы, как «народ», «церковь», «суверенитет», способны обретать второе дыхание, причудливо сплетаясь с технологическими означающими («искусственный интеллект», «дополненная реальность», «БПЛА»), и внезапно эти скрещения делают возможной, например, легитимацию милитаризма.

«В любом случае вопрос не в том, имело ли место данное сражение или данная битва, каковы бы ни были их происхождение или формы. Удивительно то, что сама идея войны обрела среди нас право гражданства»³¹.

* * *

Итак, главная сложность состоит не в том, чтобы отменить трансцендентность, а в том, чтобы помыслить ее вне привязки к теологии и незыблемому образцу. Возможно, парадокс философии Делёза заключается в том, что она способна сохранить работоспособность только в случае кардинального пересмотра собственных оснований, связанных со ставкой на имманентность. В противном случае догматичный отказ от трансцендентности раз за разом будет обречен скатываться к вульгарному делёзианству, оборачиваясь отрицанием радикального различия. Но в этом случае номадология утратит революционные смыслы и превратится в стирание границы между войной и миром, что слишком часто означает выбор в пользу войны.

28 Нанси Ж.-Л. *Непроизводимое сообщество*. С. 75.

29 Он же. *Бытие единичное множественное*. Минск: Логвинов, 2004. С. 81.

30 Позднее Нанси неоднократно вопрошал и о том, возможно ли «мыслить за рамками всякого противопоставления или диалектики» трансцендентности и имманентности (Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-Л. *Нацистский миф*. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 21), и даже предлагал монструозные определения вроде «транс-имманентность» (NANCY J.-L. *Les Muses*. Paris: Galilée, 1994. P. 36, 63). Однако эта стратегия вызывает значительно больше вопросов, чем страницы «Непроизводимого сообщества», посвященные проблеме мифологизации трансцендентного.

31 Нанси Ж.-Л. *Бытие единичное множественное*. С. 161.